

## **Книги Мейв Бинчи**

---

Зажги свечу

•

Эхо чужих желаний

•

Ночи дождей и звезд

•

Боярышниковый лес

•

Уроки итальянского

МЕЙВ  
БИНЧИ



УРОКИ  
ИТАЛЬЯНСКОГО



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111  
ББК 84(4Ирл)-44  
Б 62

Maeve Binchy  
EVENING CLASS  
Copyright © Maeve Binchy, 1996  
All rights reserved

Перевод с английского Алексея Новикова

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25492-3

© А. В. Новиков (наследники),  
перевод, 2004  
© Издание на русском языке,  
оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2024  
Издательство Азбука®

## ЭЙДАН

Было время — тогда, в семидесятых, — когда они обожали отвечать на вопросы тестов, которые печатали газеты. Эйдану всегда удавалось найти такие вопросники в воскресных изданиях. Например: «Чуткий ли вы муж?» Или еще: «Разбираетесь ли вы в шоу-бизнесе?» Самые высокие баллы они получали, отвечая на вопросы: «Насколько вы подходите друг другу?» и «Нужны ли вам еще и друзья?».

Но это было давным-давно.

Если бы Нелл или Эйдан Данн увидели очередной тест сегодня, они вряд ли принялись наперебой отвечать на вопросы, а затем, дрожа от нетерпения, подсчитывать баллы. Было бы слишком больно отвечать на такой, к примеру, вопрос: «Как часто вы занимаетесь любовью: а) чаще чем четыре раза в неделю; б) в среднем дважды в неделю; в) раз в неделю, по субботам; г) реже». Кому охота признаваться в том, что это происходит не просто реже, а гораздо — гораздо! — реже, а потом еще и выяснять, какую характеристику, основываясь на этом горьком признании, дадут им мудрецы, составляющие газетные тесты!

Если бы сегодня кто-нибудь из них наткнулся на тест, призывающий: «Узнайте, насколько вы совместимы», газетная страница была бы тут же перевернута. И при этом их жизнь не омрачали ни скандалы, ни супружеская неверность. Эйдан не изменял Нелл и полагал, что она также хранит ему верность. Может, с его стороны это было чрезмерной самоуверенностью? Ведь Нелл была очень привлекательной женщиной — увидев такую, мужчина непременно оглянется. И на нее действительно оглядывались.

Эйдан считал, что подавляющее число мужей, которые до глубины души изумлялись, узнав о похождениях своих благоверных на стороне, были просто самодовольными слепцами. Но уж он-то не таков. Он был уверен, что Нелл не станет тайно встречаться и тем более заниматься любовью с каким-то другим мужчиной. Он знал ее настолько хорошо, что тотчас почувствовал бы, случись что-нибудь подобное. Кроме того, где она могла бы повстречать потенциального любовника? А если бы даже и встретила кого-то, кто пришелся бы ей по вкусу, — куда им идти? Нет, это просто смешно!

Впрочем, не исключено, что точно так же рассуждают и все остальные мужья, желая убедить себя в неизменной верности своих жен, по мере того как становятся старше. Может быть, это — один из признаков подступающей старости? Как боль и ломота в ногах после долгой прогулки, как неспособность более чувствовать очарование песен, которые некогда сводили тебя с ума? Может быть, это признак того, что ты уже не тот человек, вокруг которого когда-то, как тебе казалось, вращалась вся вселенная?

Вполне возможно, что так думает любой мужчина, которому перевалило за сорок восемь. Множество мужчин во всем мире мечтали, чтобы их жены горели желанием и проявляли бурный энтузиазм буквально ко всему — не только к сексу, но и ко многим другим вещам.

Как много воды утекло с тех пор, когда Нелл в последний раз расспрашивала Эйдана о его работе в школе, о его надеждах и мечтах! А ведь было время, когда она знала по имени каждого из его коллег-учителей и даже многих учеников, увлеченно рассуждала о непомерно большой учебной нагрузке, о распределении должностей, о школьных экскурсиях и самодеятельных спектаклях, о теориях Эйдана относительно возможных путей развития для стран третьего мира.

Однако сейчас она вряд ли имела хотя бы примерное представление о том, что происходит в окружающем мире. Когда была назначена новый министр образования, Нелл лишь пожала плечами, ограничившись коротким замечанием: «Полагаю, она будет не хуже своего предшественника». О переход-



ном годе<sup>1</sup> она могла сказать лишь, что «это просто великолепно». Представить только: все это время дети смогут думать, рассуждать... искать себя... вместо того чтобы сразу приступить к сдаче экзаменов. И Эйдан не осуждал жену.

Ему уже не хотелось растолковывать близким что бы то ни было, это занятие стало казаться ему бесцельным и ненужным. А когда все же приходилось, собственный голос эхом отдавался у него в ушах, а дочери закатывали глаза к потолку, как бы всем своим видом вопрошая: с какой стати мы, одной из которых уже исполнился двадцать один год, а другой девятнадцать, должны все это выслушивать?

Эйдан старался не надоедать им, зная, что всем учителям присущ общий недостаток: они привыкли к покорному вниманию школьной аудитории и могут разжевывать один и тот же вопрос бесконечно, рассматривая его и так и эдак, пока не убедятся в том, что ученики все уразумели.

Он прилагал неимоверные усилия, пытаясь подстроиться под их жизнь.

А вот Нелл было абсолютно нечего рассказать о ресторане, где она работала администратором. Ей вообще не хотелось распространяться на эту тему. «Ах, Эйдан, я тебя умоляю! — говорила она. — Это всего лишь работа. Я сижу там, принимаю от клиентов кредитные карточки, чеки или наличные, даю им сдачу и квитанции. В конце каждого дня я ухожу домой, а в конце каждой недели получаю зарплату. Так живет девяносто процентов всех людей в мире. Мы не совершаем великих деяний, не разыгрываем драм, не боремся за власть. Мы — обычные люди. Мы просто живем, вот и все».

Она не хотела унижить его или причинить ему боль этими словами, и все же каждый раз они звучали пощечиной. Было очевидно, что Нелл предоставила Эйдану в одиночку барахтаться в бесконечных конфликтах и дрызгах учительской. А ведь было время — правда, давным-давно, — когда она сгорала от нетерпения узнать от него последние новости, была

---

<sup>1</sup> Год после окончания школы, который дается выпускникам для подготовки к поступлению в высшее учебное заведение.

готова рыть ради него землю, зубами и когтями сражаться за его правое дело, считая, что его враги являются и ее врагами тоже. Эйдану до боли не хватало товарищеской атмосферы, духа солидарности и единой команды, который объединял их в былые годы.

Быть может, когда Эйдан станет директором школы, это вернется?

Или он просто тешит себя глупой надеждой? Вполне вероятно, что назначение его на руководящий пост оставит его жену и двух дочерей совершенно равнодушными. Жизнь их семьи тикала, как пыльные ходики. Недавно Эйдан снова испытал знакомое чувство, будто он уже давно умер, а его родные этого даже не заметили и продолжали жить как ни в чем не бывало. Нелл уходила в ресторан и возвращалась обратно, а раз в неделю навещала свою мать. Нет-нет, Эйдану вовсе не обязательно сопровождать ее. Она просто посидит вдвоем с мамой и мило, по-семейному, поболтает. Маме достаточно знать, что у нас все в порядке.

— А у тебя-то самой все в порядке? — раздраженно спросил Эйдан.

— Послушай, разве ты не должен сейчас заниматься с пятью классами популярной философией? — вопросом на вопрос ответила Нелл. — А я... У меня все нормально, как, я надеюсь, и у всех. Может, оставим это?

Но Эйдан уже не мог этого оставить. Он сказал ей, что речь идет не о популярной философии, а о «Введении в философию» и не о пятиклассниках, а об учащихса переходного года. Он никогда не забудет, каким взглядом наградила его Нелл. Она стала было что-то говорить, но потом передумала. Только посмотрела на него с какой-то отрешенной жалостью, как смотрят на бродягу, который сидит на тротуаре в пальто, подпоясанном веревкой, и допивает из горлышка бутылки остатки мутного самогона.

С дочерьми он ладил не лучше.

Грания служила в банке, но о своей работе почти ничего не рассказывала, по крайней мере отцу. Иногда он заставлял дочь, когда та болтала со своими приятелями, и в эти минуты она



выглядела гораздо более оживленной, нежели обычно. Точно так же обстояло с Бриджит. «Да ладно тебе, па! Бюро путешествий — отличное место работы, и хватит талдычить об этом!» Еще бы не отличное: оплачиваемый отпуск два раза в год и куча свободного времени, поскольку работают они посменно.

Грания наотрез отказывалась обсуждать банковскую систему и говорить о том, насколько нечестно обнадеживать людей, убеждая их брать кредиты, которые впоследствии им будет трудно вернуть. Правила, как она сказала отцу, придумывают другие. А у нее на столе лежит папка для входящих бумаг, и она имеет дело только с тем, что каждое утро оказывается в этой папке. Вот и все, проще простого! Точно так же ее младшая сестра, Бриджит, не задумывалась о том, что бюро путешествий продают людям мечту, которая на самом деле никогда не сбывается. «Папа, ведь им же никто не выкручивает руки! Никто не заставляет их насильно покупать путевки. Если не хотят — не надо».

Эйдан клял себя за ненаблюдательность. Когда это произошло? В какой именно момент семья распалась на куски? Ведь было же время, когда девочки — светящиеся чистотой после вечерней ванны, в розовых ночных рубашонках, — сидели в своих постельках, он рассказывал им сказки, а Нелл с нескрываемым удовольствием наблюдала эту благодатную картину из противоположного конца комнаты. Да и потом в их жизни были прекрасные моменты. Например, когда дочки готовились к экзаменам, а он помогал им, исправляя ошибки, и мечтал о том, чтобы его девочки учились лучше всех. Тогда они испытывали к нему искреннюю благодарность. Эйдан вспоминал, как они праздновали получение Гранией диплома, потом то, что ее приняли на работу в банк. Каждое из этих радостных событий отмечалось в ресторане большого отеля, и официант фотографировал их на память. Так же было и с Бриджит: банкет, а потом праздничные фотографии. На тех снимках они выглядели вполне счастливым семейством. Неужели это был всего-навсего фасад?

Наверное, отчасти так оно и было, поскольку сейчас, всего лишь несколько лет спустя, он не имеет возможности поделиться со своей женой и дочерьми — самыми дорогими для



него существами — своими страхами относительно того, что директором его могут и не назначить.

Эйдан вложил в эту школу столько сил, так много работал внеурочно, вникая буквально в каждую мелочь, и вот теперь где-то глубоко внутри зрело опасение, что его могут обойти.

Возникла реальная опасность, что директорский пост может занять другой претендент, причем — его ровесник. Это был Тони О'Брайен — человек, который не потратил ни одного часа своего личного времени для того, например, чтобы поддерживать школьную спортивную команду; человек, который никогда не утруждал себя тем, чтобы разобраться с классом результаты контрольной работы, которому было наплевать на кампанию по сбору денег для ремонта школы. Тот самый Тони О'Брайен, который практически в открытую курил в коридорах школы, где курить вообще было запрещено, который каждый день проводил обеденный перерыв в пабе и, ни от кого не таясь, проглатывал полторы пинты пива. Закоренелый холостяк, чуждый даже мысли о семейной жизни, человек, который регулярно появлялся на публике с очередной девичьей вдвое моложе себя, повисшей на его руке, он тем не менее вполне серьезно рассматривался в качестве кандидатуры на пост директора школы.

В течение последних лет многое ставило Эйдана в тупик, но ничто не сбивало его с толку так сильно, как эта ситуация. Ну никак Тони О'Брайен не подходил на роль руководителя школы!

Эйдан пробежал пальцами по редеющим волосам. А вот у Тони О'Брайена была грива густых каштановых волос, которые лезли ему в глаза и падали на воротник. Неужели мир настолько сошел с ума, что при выборе директора школы учитывался этот факт!

Густые волосы — хорошо, жидкие волосы — плохо... Эйдан усмехнулся. А как хорошо было бы посмеяться вместе со своими родными над наиболее вопиющими проявлениями собственной паранойи! Возможно, тогда он бы не сокрушался так безутешно по поводу своей несчастной судьбы. Но смеяться оставалось лишь с самим собой, поскольку теперь никого, с кем можно было бы посмеяться, рядом не осталось.

В одной из воскресных газет Эйдан наткнулся на тест, озаглавленный «Насколько велика в вас напряженность?». Он честно, без уверток, ответил на все вопросы и набрал больше 75 очков из 100, что, как он понимал, было весьма много. И все же Эйдан не был вполне готов прочитать в конце теста суровый и окончательный вердикт. А он гласил: если ты набрал больше 70 очков, значит ты скован напряжением, как крепко сжатый кулак. Расслабься, дружок, пока не взорвался.

Когда-то Эйдан и Нелл говорили друг другу, что все эти тесты — не более чем шутка, фигня, нужная лишь для того, чтобы хоть чем-то заполнить газетную полосу. С особенной настойчивостью они убеждали в этом друг друга в тех случаях, когда, ответив на вопросы теста и подсчитав свои баллы, выясняли что-то неприятное для себя. На сей раз Эйдан был в одиночестве. По привычке он сказал себе: должна же газета заполнить чем-нибудь целую половину страницы!

И все равно он был расстроен. Эйдан знал, что страдает раздражительностью, но быть раздражительным — одно, а быть как сжатый кулак — совсем другое. Неудивительно, что начальство дважды подумает, прежде чем назначить его директором школы.

Он писал ответы не на линеечках, специально предусмотренных для этого, а на отдельном листке бумаги, чтобы никто из членов семьи не увидел их и не смог прочесть признание в том, что беспокоит его, тревожит и лишает сна.

Воскресные дни стали для Эйдана невыносимы. Раньше, когда они еще были настоящей, счастливой семьей, летом выезжали на пикники, а в холодную погоду совершали бодрящие, укрепляющие пешие прогулки, Эйдан самоуверенно заявлял, что они никогда не будут похожи на те дублинские семьи, которые сразу же начинают кричать «Ау!», стоит им оказаться за пределами своего квартала.

В одно из воскресений он посадил домочадцев на поезд и повез на юг, где они взобрались на вершину холма Ослиная Голова и любовались оттуда видами раскинувшегося внизу графства Уиклоу. В другое воскресенье они отправились на север, по прибрежным селеньям Раш, Ласк и Скеррис. Это



были чудесные крохотные деревушки, каждая — со своим неповторимым характером; они тянулись вдоль дороги, которая, последуй вы по ней до конца, привела бы вас к границе. Он также организовал полноценную — на целый день — экскурсию в Белфаст, не желая, чтобы девочки росли в неведении относительно того, что представляет собой другая часть Ирландии.

Это, пожалуй, было самое счастливое время его жизни, когда он одновременно являлся и отцом, и учителем: и объяснял, и развлекал. Папа знал ответы на все вопросы: и где находятся остановки автобусов, которые идут до замка Каррикфергус или Ольстерского народного музея, и где лучше всего купить чипсы, перед тем как сесть на поезд и отправиться домой.

Эйдан помнил, как однажды, когда они ехали в поезде, какая-то женщина говорила Грании и Бриджит о том, как им повезло: у них такой замечательный папа, который может научить их всему на свете. Дочки важно кивали, показывая, что полностью с ней согласны, а Нелл шутливо шептала мужу на ухо, что дамочка явно положила на него глаз. Сам же Эйдан чувствовал себя гигантом четырехметрового роста и вообще самой важной персоной на земле.

Теперь же, сидя по воскресеньям дома, он все сильнее ощущал, что его здесь просто не замечают.

В отличие от других семей, у них было не принято устраивать традиционные воскресные обеды с жареными стейками, бараниной или цыплятами и обильными картофельными и овощными гарнирами. Они не воспринимали воскресенье как праздник, поскольку в конце недели неизменно уходили из дому навстречу каким-то своим приключениям. Эйдан, правда, стремился привнести в выходные дни некоторую упорядоченность. Он, например, посещал воскресную мессу. Иногда Нелл ходила с ним, но после церкви она обычно отправлялась в гости — к одной из своих сестер или подружек по работе. Теперь же, когда магазины работают и по воскресеньям, стало еще больше мест, куда можно отправиться в выходной день.

Девочки никогда не ходили к мессе. Уговаривать их было бесполезно, и Эйдан бросил это занятие, когда младшей исполнилось семнадцать. Они вылезали из постелей не раньше обеда, делали себе бутерброды, а затем просматривали видеозаписи, которые сделали в течение недели, слонялись по дому в халатах, мыли голову, болтали по телефону с подружками и зазывали их в гости попить кофе.

С матерью Грания и Бриджит вели себя так, будто она лишь забавная и эксцентричная владелица квартиры, которую они снимают на пару. Над этой «домовладелицей» они считали возможным потешаться, а деньги на квартирную плату выдавали очень скупно и с такими кислыми лицами, будто из них выкачивают последние граммы крови. На этом, насколько было известно Эйдану, их вклад в семейный бюджет заканчивался. Они ни разу не принесли домой ни одной пачки печенья, ни одной трубочки мороженого, ни одной коробки стирального порошка, хотя поднимали визг, когда им была нужна какая-то вещь, а ее не оказывалось под рукой.

Интересно, подумалось Эйдану, как проводит воскресные дни Тони О'Брайен?

Эйдан точно знал, что в церковь Тони не ходит. Он совершенно четко дал понять это своим ученикам, когда они спросили его: «А вы посещает воскресную мессу, сэр?» — «Иногда, когда я в настроении поговорить с Богом», — ответил Тони О'Брайен.

Эйдану об этом с восторгом поведали ученики. Они взяли ответ учителя на вооружение и использовали его против тех взрослых, которые доказывали, что нежелание ходить каждое воскресенье к мессе есть смертный грех.

«Он умен, даже слишком умен, — думал Эйдан. — Он не отрицает существование Бога. Наоборот, дает понять, что они с Богом друзья, а друзья общаются друг с другом только тогда, когда им этого хочется и когда они в хорошем настроении». Это придавало Тони О'Брайену некую таинственную значительность, оставляя Эйдана Данна где-то на обочине. Еще бы, он же не приятель Всевышнего, а так — что-то вроде



наемного работника. Еще одна досадная несправедливость среди многих других, которые присутствовали во всем этом.

По воскресеньям Тони О'Брайен наверняка встает поздно. Он живет в сооружении, которое нынче называется таунхаусом, но на самом деле является эквивалентом обычной квартиры: внизу одна большая комната и кухня, наверху большая спальня и ванная, а входная дверь открывается прямо на улицу. Соседи нередко видели, как по утрам он выходит из дому в сопровождении очередной молодой женщины.

В прежние времена подобное поведение быстро положило бы конец его карьере. Ведь в шестидесятые годы учителя могли уволить даже за то, что он, находясь в браке, завел интрижку на стороне. Это, конечно, было неправильно, и тогда учителя дружно протестовали против подобных драконовских законов, но, с другой стороны, когда даже холостой мужчина открыто, словно бы гордясь, водит к себе домой дамочек... Какой пример он подает ученикам? И при этом его кандидатуру еще рассматривают на должность директора... Нет, это неправильно!

Что делает Тони О'Брайен сейчас, в половине третьего, когда на календаре воскресенье, а за окном моросящий дождь? Может, обедает в доме у кого-нибудь из учителей? Эйдан ни разу не приглашал О'Брайена к себе. Во-первых, они действительно не имели привычки устраивать званые обеды, а во-вторых, Нелл не без оснований поинтересовалась бы, с какой стати ей кормить человека, которого сам же Эйдан непрерывно костерит на протяжении последних пяти лет.

А может, О'Брайен развлекает какую-нибудь дамочку, задержавшуюся у него со вчерашнего вечера? Как-то он сказал, что в неоплатном долгу перед хозяевами китайского ресторана, расположенного в трех шагах от его дома. Они предлагают изумительные обеды навынос: цыпленка в лимонном соусе, тосты с кунжутowymi семечками, а острые креветки прекрасно идут с австралийским шардоне и свежими воскресными газетами. Представить только, человек в его возрасте уже мог бы иметь внуков, а он развлекается с девицами и ест по воскресеньям китайскую еду!

Но с другой стороны, почему бы и нет?

Эйдан Данн, как человек справедливый, признавал, что люди имеют свободу выбора. В конце концов, ведь не за волосы же тащил Тони О'Брайен этих девиц в свой таунхаус. И нет такого закона, который требовал бы от него непременно быть женатым и растить двух давно отдалившихся от него дочерей, как это было у Эйдана. Более того, нежелание лицемерить и маскировать свой образ жизни отчасти даже делало Тони честь.

Просто изменился, причем очень сильно, всеобщий порядок вещей. Кто-то, забыв посоветоваться с Эйданом, переставил межевые знаки, по которым раньше сверялись с тем, где кончается «хорошо» и начинается «плохо».

А как Тони проведет остаток дня? Улягутся ли они после обеда снова в постель? Может быть, девушка поедет домой, а он станет слушать музыку? Он ведь часто рассказывал о своей знаменитой коллекции компакт-дисков. Когда в четвертом розыгрыше лотереи «Лотто» Тони выиграл 350 фунтов, он нанял школьного плотника и на все деньги заказал стеллаж аж для пятисот компакт-дисков. Эйдану было точно известно, что каждую неделю Тони О'Брайен приобретал не меньше трех дисков. Откуда только у него время берется, чтобы слушать всю эту музыку! А потом Тони закатится в паб, чтобы посидеть там с друзьями, или пойдет в кинотеатр, где крутят какой-нибудь иностранный фильм с субтитрами, или — в джаз-клуб.

Может быть, именно такой образ жизни делал этого человека интересным, привлекал к нему окружающих? По крайней мере, Эйдана к нему тянуло, это уж точно. А вот воскресные дни самого Эйдана представляли собой полнейшее ничто и никого не могли привлечь.

Когда примерно в час дня он возвращался с поздней мессы и спрашивал домочадцев, не желает ли кто-нибудь яичницу с беконом, дочери хором и с нескрываемым отвращением отвечали: «Фу-у, папа! Конечно нет!» Или: «Если ты собираешься ее готовить, то закрой дверь на кухню!» А Нелл, услышав этот вопрос мужа, лишь поднимала глаза от страницы



очередного романа и спрашивала: «Зачем?» В ее голосе никогда не звучали враждебные нотки — только недоумение, словно более нелепого предложения ей еще в жизни не приходилось слышать. Сама она вполне могла перекусить сэндвичем с салатом в три часа пополудни.

Эйдан с тоской вспоминал обеды в материнском доме, за которыми вся семья дружно обсуждала события прошедшей недели и от которых никто не мог увильнуть без уважительной причины. Разумеется, в том, что всему этому пришел конец, виноват только он сам. Именно он привнес в семью дух свободы, который заставлял их каждое воскресенье — единственный выходной день — отправляться из дому, чтобы снова вдоль и поперек исследовать не только Дублин, но и соседние графства. Мог ли Эйдан предвидеть, к чему это приведет? Что, потерянный, не находя себе места, он будет бесцельно слоняться по дому, сбегая из кухни, когда другие домочадцы разогревают себе еду в микроволновке, в гостиную, где по телевизору идет абсолютно никчемная программа, а оттуда — в спальню, где он уже так давно не занимался любовью с женой и куда приходил, только когда наступало время ложиться спать.

Была еще, конечно, столовая — комната с тяжелой мрачной мебелью, которую они почти не использовали за все время, что живут в этом доме. Даже если бы они и приглашали гостей, столовая бы для этого не подошла, поскольку была чересчур маленькой и тесной. В последнее время Нелл раз или два обмолвилась о том, что муж мог бы устроить себе здесь кабинет, но Эйдан отказывался. Он боялся, что, превратив эту комнату в копию своего рабочего кабинета в школе, окончательно утратит образ главы семьи — отца, добытчика и человека, который некогда являлся центром вселенной.

Он также боялся, что если устроит себе здесь слишком уютное гнездышко, то вскоре ему придется переселиться сюда окончательно. Ведь тут есть гардеробная, куда всегда можно повесить одежду, и ему вполне могут сказать: а почему бы тебе не перебраться сюда и не оставить второй этаж полностью в распоряжении трех женщин?

Этого ни в коем случае нельзя делать! Он должен бороться за свое положение в семье точно так же, как он сражается

за свое место в сознании членов совета управляющих школы — мужчин и женщин, от которых зависит, кто станет следующим директором школы Маунтинвью.

Его мать никогда не могла понять, почему школу не назвали именем какого-нибудь святого. Ведь так принято! Но разве ей объяснишь, что времена изменились, что теперь все иначе? Поэтому Эйдану приходилось успокаивать мать тем, что в составе совета управляющих есть священник и монахиня. Принятие важных решений от этих двоих, естественно, не зависит, но они ревностно следят за тем, чтобы ни в коем случае не принижалась роль, которую религия традиционно играла в ирландском образовании.

Мать в ответ только фыркала. Что это за странные времена, когда священник и монахиня довольны лишь тем, что сидят в совете управляющих, вместо того чтобы руководить им, как предназначено Господом! Тщетно втолковывал ей Эйдан, что люди в сутанах теперь играют куда менее важную роль, что в девяностые годы даже в школах, которые формально живут по религиозным догматам, священнослужителей среди учителей раз-два и обчелся. Бесполезно. Цифры для матери не имели ни малейшего значения.

Нелл как-то стала свидетелем того, как они спорят на эту тему, и посоветовала Эйдану поберечь свое красноречие. «Скажи ей, что попы по-прежнему правят миром, тебе же легче будет. Кроме того, в какой-то мере это соответствует действительности: люди их побаиваются».

Когда Нелл начинала рассуждать таким образом, Эйдана это страшно раздражало. Уж она-то не испытывала ничего подобного по отношению к католической церкви. Посещала богослужения лишь до тех пор, пока ей это не мешало жить, давным-давно не исповедовалась и наплевала на все предостережения папы относительно недопустимости противозачаточных средств. Однако Эйдан не стал с ней спорить. Как и во многих других случаях, он предпочел спокойствие и терпимость, тем более что мнение его матери Нелл не интересовало. Она не испытывала к свекрови враждебности, но и никаких других чувств не проявляла.



Иногда мать интересовалась, когда они пригласят ее на обед, и Эйдану приходилось отговариваться тем, что в последнее время они, дескать, совсем закрутились в делах, но как только чуть-чуть разберутся, то тут же...

Он твердил это на протяжении двух десятков лет, и за столь долгий срок отговорка начисто утратила убедительность. Но винить в этом Нелл было бы тоже несправедливо. Вот если бы она постоянно приглашала в гости свою собственную мать или еще кого-то — тогда другое дело. Разумеется, когда они устраивали семейные торжества в ресторанах, его мать всегда приглашала, но это все же не совсем то. Кроме того, им уже давно нечего было праздновать, и новых торжеств не ожидалось. Если, конечно, Эйдана не назначат директором.

— Хорошо провел выходные? — спросил Тони О'Брайен, когда они остались в учительской вдвоем.

Эйдан поднял на него удивленный взгляд. К нему уже давно никто не обращался с вопросами.

— Да, знаешь ли, спокойно, — ответил он.

— Эх, ну и счастливчик же ты! А я вчера был на вечеринке и теперь просто умираю с похмелья. Впрочем, до обеда всего три с половиной часа, и тогда старая добрая пинта пива поможет мне справиться с дегидратацией организма, — хохотнул Тони.

— Я просто восхищаюсь твоей выдержкой, — ответил Эйдан, надеясь, что горечь и издевка в его словах прозвучали не слишком откровенно.

— Да брось ты! Я ведь в этом деле не новичок, вот только, в отличие от всех вас, у меня дома нет такого утешения, как жена и дети. — Тони тепло улыбнулся.

«Если не знать этого человека и его образа жизни, можно поверить, что он и впрямь искренне сожалеет об отсутствии семьи», — подумал Эйдан.

Бок о бок они шли по коридорам школы Маунтинвью, которая, будь на то воля его, Эйдана, матери, носила бы имя святого Кевина или — что еще более вероятно — святого Антония. Антоний был святым, который помогал находить потерянные вещи, и по мере того, как мать старела, она все чаще обращала

свои мольбы именно к нему. Самое меньшее, чем люди могли отблагодарить этого святого, было бы назвать в честь его местную школу. Что ж, когда ее сын станет директором... Мать жила надеждой.

Мимо них стайками и поодиночке пробегали дети. Некоторые нестройным хором выкрикивали приветствия, другие недружелюбно отводили глаза в сторону. Эйдан Данн знал и всех этих детей, и их родителей, а также помнил многих их старших братьев и сестер. Тони О'Брайен вряд ли смог бы назвать по имени хотя бы одного из них. Ах, как все несправедливо!

— Вчера вечером я встретил одного человека, который тебя хорошо знает, — неожиданно проговорил Тони О'Брайен.

— На вечеринке? — улыбнулся Эйдан. — Что-то мне в это слабо верится.

— Нет, честное слово, она тебя знает. Когда я сказал ей, что преподаю в этом колледже, она спросила, не знаком ли я с тобой.

Эйдана охватило любопытство, и он не удержался от вопроса:

— И кто же она?

— Я так и не выяснил, как ее зовут. Симпатичная девушка.

— Может, кто-нибудь из бывших учениц?

— Нет, тогда она знала бы и меня.

— Да, таинственная история! — пробормотал Эйдан, прожоя взглядом Тони О'Брайена, который вошел в аудиторию, где занимался пятый класс.

В ту же секунду там воцарилась гробовая тишина.

В чем дело? За что ученики так его уважают, почему так боятся болтать и вообще плохо себя вести на его уроках? Ведь — ради всего святого! — Тони О'Брайен даже не знает их по именам. Он кое-как проверяет их домашние задания и не пожертвовал ни часом сна ради их контрольных работ! Да и вообще, по большому счету ему наплевать на учеников. А они все равно лезут из кожи вон, чтобы заслужить его одобрение. Эйдан был не в состоянии понять это.

Говорят, женщины больше любят мужчин, которые плохо с ними обращаются. Вспомнив об этом, Эйдан почувствовал

**Бинчи М.**

Б 62 Уроки итальянского : роман / Мейв Бинчи ; пер. с англ. А. Новикова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-25492-3

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) хорошо известна не только на своей родине, но и во всем мире. Ее книги неизменно становились бестселлерами и не раз получали престижные международные премии. Настоящая слава пришла к ней после выхода первого романа «Зажги свечу» (1982).

Роман «Уроки итальянского» написан с юмором и искренней любовью к героям. Необычная история о самых обычных людях.

...Она прожила на Сицилии много лет, прежде чем вернуться в родную Ирландию. И вскоре получила предложение вести вечерние курсы итальянского в дублинской школе. К слову, не слишком благополучной. Да и шансов на то, что затея с курсами увенчается успехом, почти не было. Не говоря уже о перспективе снова увидеть Италию... Но судьба распорядилась по-своему. Объявление о наборе на курсы итальянского языка вызвало неожиданный интерес, и на занятиях собралась довольно большая и пестрая группа. Этих людей, пожалуй, объединяло одно: стремление привнести в свою жизнь глоток свежего воздуха, которым и стала для них далекая Италия — теплая, щедрая, говорливая. Может быть, благодаря тому, что их учительница оставила там свое сердце...

УДК 821.111  
ББК 84(4Ирл)-44



МЕЙВ БИНЧИ  
УРОКИ ИТАЛЬЯНСКОГО

Ответственный редактор Янина Жухлина  
Художественный редактор Илья Кучма  
Технический редактор Мария Антипова  
Компьютерная верстка Ирины Варламовой  
Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 06.08.2024.  
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.  
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)  
Ақпараттық өнім белгісі  
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в Публичном акционерном обществе  
«Можайский полиграфический комбинат»  
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.  
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685



Y-ABB-34482-01-R